

Как в город многолюдный я пришла,
Который полем был для битв священных,
Как средь живых и мертвых я была
Меж злых людей, меж раненых и пленных,
Как я была за истину борцом
И ангелом в пещере у дракона,
Как смело, не заботясь ни о чем,
Я шла на смерть, не издавая стога,
И как вернулась я, когда погас
Надежды луч, — то горестный рассказ.

*Перси Биши Шелли. «Возмущение
Ислама» в пер. К. Бальмонта.*

Глава 1

Матильда Домашкина

«*Благословите, боги, зеркало*».

Другой мысли в голове у Матильды не появлялось. А Мария-Элена, уверенно забрав власть над телом в свои руки, смотрела на женщину, которая стояла напротив с видом победительницы.

И это — ее мать?

«Господи, благослови зеркало...»

Мать выглядела, страшно сказать, как сильно пьющая бомжиха.

Эта обвисшая туша, эти жуткие кудельки... а запах! Человека, который не привык мыться ежедневно, а то и два-три раза в день. Запах человека, который спокойно ложится спать в одежде и не видит в этом ничего страшного. Запах больного человека, который жрет (не ест, а именно жрет) всякую дрянь, вроде химикатных супчиков, и разрушает себя.

И толстые пальцы рук...

Матильду замутило. Но это — только Матильду. А Мария-Элена была спокойна и доброжелательна. Именно она смотрела на свет через серые глаза Матильды, именно она вежливо улыбалась уголками губ, именно она вскидывала тонкую черную бровь.

— Вы настаиваете, что вы — Мария Домашкина?

— Доченька! — всхлипнула «бомжиха», пытаясь схватить Мотю за руку. — Кровиночка моя...

— Документы предъявите.

— Что?

Голос Малены был настолько холоден и спокоен, что айсберги обзавидовались.

— Документы. Паспорт, СНИЛС, свидетельство о рождении или браке, водительские права... Если вы не помните, когда меня бросили, так я сообщу. В возрасте двух лет. Вы всерьез считаете, что я вас в лицо помню? Без документов я вас не опознаю.

Тетка села, где стояла. Предусмотрительно, на скамейку.

— Да... как же...

— Документы. Или я уйду.

Мария еще раз хлопнула носом и полезла в безразмерную сумку. Этакая ковровая авоська, из тех, что продаются на любом рынке за копейки и уже через месяц выглядят так, словно под самосвал попали. Щедро украшенная жуткими котятками с людоедскими мордами. Да, и брелок.

Куда же без брелока из самоварного золота?

Или это кистень такой?

Махнешь — улочка, отмахнешься — переулочек... боги, какая же чушь лезет в голову!

На колени Матильде легли несколько бумажек разных цветов.

Мария-Элена аккуратно взяла одну из них кончиками пальцев, развернула.

— Та-ак...

Свидетельство о браке. Между Марией Домашкиной и Германом Вагиным. Понятно, почему мамаша не стала менять фамилию, лучше уж Домашкина.

М-да...

Матильда Вагина...

Замучаешься поправлять паразитов, чтобы ударение на первый слог ставили.

«Так звали твоего отца?»

«Да... Неужели это моя мать?»

«Что это меняет? Даже если и так?»

«Малена... да все меняет! Я себя просто грязной чувствую...»

«Бывает. Держись, Мотя, я тебя в обиду не дам!»

От подружки пришло ощущение тепла и благодарности, и Мария-Элена принялась копаться дальше.

ИНН.

Зеленая карточка — СНИЛС.

И паспорт.

Все на имя Марии Домашкиной. И из паспорта смотрит та же особь, иначе и не скажешь. Конечно, мордочка в паспорте молоденькая, но это — один и тот же человек, без сомнения! Круглое лицо, кудряшки... Матильда точно не в мать пошла. И это к лучшему.

«Она ведь не старая, меня родила лет в двадцать...»

«И так выглядит?»

Малена ужасалась не зря. Это ж надо же! Чай, не Средние века, сейчас дамы в шестьдесят лучше выглядят, чем... эта!

«У нее еще есть дети?»

Малена ловко пролистнула паспорт дальше.

Дети были.

Семен Вагин и Лидия Вагина.

— Почему мне дали фамилию матери, а Семену и Лидии — фамилию отца?

Малена спрашивала с чисто научным интересом. Жизнь этой женщины была ей не слишком интересна, но надо же изучать врага? А что врага — девушки даже не сомневались. Женщина (воспринимать ЭТО

матерью у Малены и Матильды одинаково не получилось) замешкалась ненадолго, но ответила.

— Герочка настоял. С тобой... там мать крутила. С ней спорить было сложно, она говорила, что смеяться будут.

«Бабушка...» — грустно вздохнула Мотя.

Малена цыкнула на подругу — не время раскисать, на нас враг идет!

— А потом, когда вы нас бросили и избавились от материнского диктата, вас ничего уже не сдерживало. Понятно...

— Да... ты не ревнуй, я о тебе и вспоминала часто, и приехать хотела...

Улыбка у Марии Домашкиной была сногсшибательной в буквальном смысле слова. Редкие зубы пережегались черными дырами. Матильду вновь замутило, и Малена поспешила отвлечь сестренку.

«Я такое только в своем мире видела. Не в вашем».

«У нас стоматологи хорошие. Не все, правда...»

«А почему у нее так?»

«Не знаю. Спроси».

— Будем считать, что вы приехали, — согласилась Малена. — Что дальше?

Глаза у «матери» были удивленные.

— Домой пойдём...

— Простите, куда?

Малена удивлялась совершенно искренне. Что значит — домой?

О каком доме может идти речь, если ты! Бросила! Своего! Ребенка!

Про мать вообще не упоминаем. Кстати...

«Будь жива бабушка, она бы ее из окна выкинула», — подтвердила предположения Малены подруга.

— Д-домой...

Кажется, до женщины начало доходить, что здесь ей не все рады.

— У вас здесь есть дом? Замечательно. Давайте прощаться. Я устала, а вам еще до дома добираться невесть сколько — или вы рядом живете?

Предположение было сделано насмешливым тоном, но мамаша этого даже не поняла.

— Мотенька! Я же...

— Вы же?

«Мотенька?!» — вскипела Матильда.

«Спокойно. Я сейчас разберусь».

— Я же твоя мама...

— Не советую употреблять это слово в моем присутствии.

Тетка схватилась за сердце, демонстрируя, как она поражена отсутствием дочерней любви. Правда, для этого пришлось сильно подвинуть объемистую левую грудь, а то неубедительно получалось. Хотя девушки и сейчас не верили.

— Но это так! Я думала...

— Вы думали, что, явившись спустя столько лет, обретете здесь радушный прием? Зная мою бабушку? Вряд ли... кто вам рассказал про ее смерть?

Взгляд Марии метнулся по окнам первого этажа, остановившись на пластике коричневого цвета.

«Параша!!!» — Матильда не ругалась, просто это были именно что окна тети Парашы.

— Ага... И откуда у нее ваш номер?

— Я не теряла вас из виду, — вздохнула Мария. — Я не могла приехать. У Герочки были проблемы...

— И что?

— Он... его несправедливо обвинили в краже!

— И посадили? — повторила Малена подкананное Матильдой.

Мария смутилась.

— Ну...

— На сколько лет?

— Два года. Но выпустили раньше...

«Понятно. Папахен что-то спер, попался, присел, а эта жена декабриста осталась ему каторгу портить, — подвела итог Матильда. — Спроси-ка вот что...»

— У него один срок?

Мария замялась.

— Эм-м-м...

— Три? Четыре?

— Два!

— Один на два года. Второй? — Мария-Элена решительно дожимала мамашу. — Ну?!

— На четыре. Но это все клевета!

— Кто бы сомневался, — кивнула Малена.

«Начинаю тебе завидовать, — вздохнула Мотя. — У тебя родители просто умерли. А тут... уголовник и кретинка».

Малена поглядела на стоящую перед ней тетку. Иначе и назвать-то не получалось.

Вспомнила свою маму.

Анна-Элизабет умерла. А если бы она превратилась... в такое?

Представить было жутковато. Да и не в превращении дело! Мать ты будешь любить любой. Грязной, зачуханной, пьяной, больной — неважно! Но — МАТЬ!

А каким словом надо назвать бабу, которая бросила родного ребенка и пожилую мать, потащившись за сбежавшим мужем, и пятнадцать лет о себе знать не давала? И бросила, кстати, не в благополучной Швейцарии, а в криминальной России?

С Парашей она созванивалась!

Бабушке было бы так приятно это услышать...

Это — не мать. И все.

— Я правильно понимаю? — мягко уточнила Малена. — Вы поехали вслед за моим отцом. Его посадили, и вы остались неподалеку, ждать его. Потом он вышел. Побыл немного на воле, его опять посадили... За это время у вас родились еще двое детей?

— Да.

— Что сказала бабуля, когда вы ей позвонили?

Вопрос был поставлен остро, как нож. И тон Малены не допускал виляний.

Мария и не стала крутить. Поняла, что вранья дочка не потерпит.

— Бросить его, развестись и возвращаться. Воспитывать дочь.

— Что вам помешало?

— Гера — мой муж! И твой отец, кстати! Он тебя любит!

Девушки весьма сомневались в этом утверждении. Любит?

Ну-ну, колбасу мы тоже любим, но где оканчивается ее путь? То-то же...

— И где же счастливый папенька? Почему я его не вижу?

— Э-э-э-э... дома. С детьми.

— Детьми?

— Сенечке четырнадцать, очень трудный возраст. Лидочке семь. Мы не можем оставлять их одних или на соседей. Чужие люди просто не справятся...

«Похоже, дети неуправляемы, а лупить их нельзя. Вот никто и не соглашается за ними приглядеть».

«Почему нельзя?» — не поняла Малена. В ее мире ювенальной юстиции не было, а подзатыльник, от-

вешенный нахальному ребенку, грехом не считался. Скорее воспитательной процедурой.

«Это чужие дети. Вони будет...»

«Оно и сейчас пахнет. Нехорошо...»

«М-да...»

— Где вы сейчас живете с семейством?

Название поселка ни о чем не сказало Матильде. Девушка задумалась.

— Так зачем вы, говорите, приехали?

— Я — твоя мама.

Звучало крайне неубедительно.

— Это — не причина, — отрезала Малена.

Мария вздохнула и выложила нечто поближе к правде:

— Мама меня на порог бы не пустила. Но сейчас, когда она умерла, ты можешь поехать пожить с нами, одной семьей.

— Зачем? — удивилась Малена. — Меня здесь все устраивает, и переезжать я не собираюсь.

— Но мы же твоя семья! Мама, папа, брат и сестра...

— Об этом надо было думать раньше.

Тетка явно струхнула. На что она рассчитывала — неясно, но уж точно не на ледяное безразличие и равнодушие.

— Или мы можем приехать к тебе. Познакомиться...

«СУКА!!! — взвилась в глубине души Матильда. — НЕНАВИЖУ!!!»

Малена почувствовала привкус желчи на губах. Подругу становилось все труднее удерживать. Надо было это заканчивать.

— Я считаю, что мы познакомились. В остальном... вы жили без меня больше пятнадцати лет? Можете продолжать в том же духе. Прощайте.

— Мотенька!!!

Малена поглядела на толстые пальцы, вцепившиеся в ее рукав.

— Отпустите немедленно!

— Или что?! Ты моя дочь!!!

Пошли силовые методы. Угрозы расправы и шантаж. Но не тут-то было!

— Или я найду на вас управу.

Если бы это сказала Матильда...

С криком, со слезами, с истерикой... кто бы поверил девчонке? Но сейчас говорила Малена Домбрийская. Наследница крупного герцогства, аристократка до мозга костей...

Малене, в своем теле, достаточно было лишь бровью повести, чтобы солдаты палками прогнали этих людей по городу. И вон с ее земель. Мало того, она бы и не задумалась так поступить.

И это отразилось в ее глазах.

Мария никогда не была особенно умна, но даже она это поняла. И замерла на пару секунд.

Этого хватило.

Малена сделала резкий жест рукой, как показывала Матильда.

Вырваться из захвата тоже надо уметь. Обычно люди тянут к себе, преодолевая хватку четырех пальцев, а надо крутануть рукой от себя, так быстрее и проще. Вот и сейчас толстопалая рука словно по волшебству слетела с одежды Матильды, и девушка быстро, почти бегом, влетела в подъезд.

Хлопнула дверь.

Мария осталась во дворе, растерянная и с документами на лавочке.

Как же так? Это же ее дочь?..

* * *

— Ненавижу! НЕНАВИЖУ!!!

Матильда рыдала в голос, и Мария-Элена не знала, как утешить подругу. Не помогала даже Беся, которая, чувствуя настроение хозяйки, мурлыкала вовсю и терлась головой о мокрые щеки девушки, рискуя утонуть.

— Мать!!! Да она меня бросила! Променяла на мужика! Уехала! А теперь, пятнадцать лет прошло, является она!!! Паскуда!!! Люби ее и радуйся!!!

— Мотя...

— А где она была, когда бабуля заболела? Когда мы тут на копейки выживали? Когда я в двенадцать бегала газеты разносила? Когда мы каждую монетку откладывали и одну овсянку жрали? ТВАРЬ!!!

— А чего она сейчас-то приехала?

Малене удалось сбить Мотю с истерического настроения, и вовремя. Слезы еще катились, но отвечала подруга уже осознанно.

— Эм-м-м... не знаю.

— А ты подумай? Твоя бабушка умерла. Я сама с этим столкнулась... Кто все наследует?

— Я.

— А кто об этом знает?

Матильда зависла, как старый пентиум. Потом собралась с мыслями...

— Постой. Я сама скажу. Ты считаешь, что она решила наложить лапку на то, что осталось от бабушки, и потому явилась?

— Тебя это удивит?

— Да ни разу! Вполне возможно.

— У нее это получится? Надо искать законника?

Матильда покачала головой.

— Нет. Бабуля знала, что умирает. И... она ведь знала, что мать жива! Я в этом уверена!

— Почему ты так решила?

— Бабуля хотела несколько раз со мной о чем-то поговорить, точно! Я помню! Но как-то не складывалось, а потом ей вообще плохо стало, последний месяц она была... не как в коме, но что-то вроде. Уже никого не узнавала, не видела...

Малена вздохнула.

Как бы ей сейчас хотелось обнять подругу, прижать к себе и сказать, что Мотя не одна. У нее навсегда есть Мария-Элена Домбрийская. Что бы ни случилось, она не бросит сестренку.

Зеркало не допустит таких вольностей...

Они никогда не протянут друг другу руки, но их души — рядом.

— Я с тобой...

— Спасибо, Малечка. Так вот, бабуля настояла, чтобы оформить не просто завещание.

— А в чем разница?

— Она оформила договор аренды и договор дарения.

— То есть?

— Дарение — на дачу и гараж. Она подарила мне их, как только мне стукнуло шестнадцать. На совершеннолетие.

— А аренда?

— Это дарение за то, что я за ней ухаживаю. Примерно так...

— Не поняла?

— Я ухаживаю за ней до самой смерти, все покупаю, забочусь, а она отдает мне эту квартиру. Мы вызвали нотариуса и все это оформляли... ну, у стряпчего.

— И?

— Разница в том, что это намного сложнее опровергнуть, чем обычное дарение или завещание. Надо доказать, что я не заботилась о бабушке, а это — нереально. Я с шестнадцати лет работаю по трудовой книжке, ну и раньше подрабатывала, есть места. Могу справки принести об отчислениях... неважно, в общем, доказать, что я зарабатывала не меньше бабушки — дело минуты. Жили мы вместе, по поликлиникам я бегала, по аптекам... да везде!

— Ага... А твоя мать об этом не знает.

— Да все видели...

— Я не про заботу о бабушке, это понятно. Я про договоры.

— Никто не знает. И эта... Параша — тоже! Твари!

— Стервятники. Может, им об этом надо сказать?

— Может, мы слишком плохо о них думаем?

Малена пожала плечами.

— Сложно думать хорошо о женщине, которая так поступила со своим родным ребенком...

— Она же знала, что я с бабушкой, а с той не пропадешь... и тех детей она не бросила?

— Не знаю, Мотя. Искренне — не знаю.

— И что нам делать?

— Разумеется, тянуть. Пусть твоя мать и отец, или кто там, сделают первый ход, а мы посмотрим, что будет дальше. Чего ждать, как поступить, как с ними разговаривать — как с родными или как с подонками.

— Первый ход они уже сделали, разве нет?

— Мы его отбили. Кстати, а где твоя мамаша ночевать будет? Не на скамейке же у подъезда? Узнать бы!

Мотя подхватила и помчалась к тете Варе.

* * *

Соседка у нее была неплохая, ничего не скажешь...

Тетья Варя дружила с бабушкой Майей до последнего дня, ну и по старой памяти опекала Матильду. Выглядело это, правда, грустно.

В свое время муж у тет-Вари умер от рака. Перестройка, то-се, лечить надо было как следует, а не как получалось, ну и...

Не спасли.

Осталась женщина с тремя детьми на руках. Хорошо хоть квартира своя, но трешка ж! Квартплата зверская, зарплата...

Если кто не помнит, в те времена с деньгами было сложно у всех. Кроме воров.

Перебивались с хлеба на воду. Тетья Варя крутилась как сумасшедшая, но поди прокорми троих! Да одень. Да воспитай и удели внимание.

Бабушка Майя, со своей активной жизненной позицией, не смогла пройти мимо.

Трое детей, старшему пятнадцать, он уже от рук отбиваться начал, младшим десять и восемь. А у нее на руках двухлетняя Матильда. Со сбежавшей мамашей-заразой. И как тут быть?

Выход нашелся на даче.

Бабушке Майе как раз от проектного бюро дали участок в симпатичном месте. Речка, лес, земля, правда, паршивая и до города около двадцати километров, но это и к лучшему! Майя отправилась к соседке и изложила ей свой план.

Та пришла в восторг, и дамы скооперировались.

Трое детей? Вот и замечательно, где трое, там и четверо. С утра деточки запихивались в автобус и отправлялись на дачу. Выдавался участок работы,

от забора до обеда, выдавался с собой пакет продуктов — сварить-потушить, ну и вперед.

Жестоко?

Ага, тетя-Варин сын попробовал что-то такое вякнуть. Наивный... У бабушки Майи и не такие бегать начинали. Мальчишка, стимулированный щедрыми подзатыльниками, исключением не стал. Дури много, сила прет? Лопату в руки — и вперед! Лучше, чем трудотерапия, никто пока ничего не придумал. Поди вскопай шесть соток, да посади картошку, да прополи, да окучь...

А кроме картошки есть еще помидоры-огурцы-перцы, есть еще яблони-груши... а потом урожай пойдет, и собирать-перерабатывать... Куда там дурака валять? Вздохнуть бы!

Теть-Варю бабушка всеми правдами и неправдами устроила на полставки в свое бюро, уборщицей, правда, но и работа была — прийти вечером, махнуть тряпкой. А если что — бабушка ее и прикрыть могла.

Вот и получилось — дети под присмотром, какая-никакая копеечка есть, с голоду не помрем, а все дары огорода складировались в бабушкин гараж, и ключи от него были у обеих хозяек. Иди да бери.

Понятно, что тете Варе больше требовалось, чем двум женщинам, но бабушка к этому не цеплялась. Мотя под приглядом, что еще надо?

А синяки-шишки...

Где вы видели ребенка, который вырос без травм? В стеклянной банке, в спирте плавал? Если только там...

Потом дети постепенно выросли, женились, замуж повыходили, и была тетя Варя сейчас счастливой бабушкой. Уже три раза. Младшая только пока была без детей, аспирантуру оканчивала. Кстати, бабушки

Майи в этом тоже была заслуга. Знания она вколачивала железно, куда там репетитору, а способности к математике у соседских детей были.

Мотя давно числила семью соседей кем-то вроде троюродной родни. А что? Люди-то неплохие, а что тесного общения не было...

Дети выросли, взрослые приболели, ну и постепенно, шаг за шагом, начали отдаляться друг от друга, да и выживать так уже не надо было. Справились.

Тетя Варя дверь открыла почти сразу.

— Мотя?

— Можно к вам? Пожалуйста...

— Иди, конечно...

Девушка бросилась к балкону, выглянула из-за занавески...

Однако?

Сидит наша блудная мамочка на лавочке, душевно общается с тетей Парашей... интересно, о чем? Полцарства за направленный микрофон!

Нету?

А жаль...

— Что случилось? Ну-ка, рассказывай!

Тетя Варя решительно потащила девушку на кухню, благо окна выходили на ту же сторону. Проследила за ее взглядом.

— Что, Петюня так и вяжется?

Матильда подумала пару минут, но потом все же решилась. Чего уж, все равно все и всё узнают. Скорее рано, чем поздно, учитывая Парашину активность.

— Тетя Варя, а вам вторая женщина на лавочке незнакома?

Варвара Васильевна вгляделась, сощурилась.

— Черт ее знает...

— А если омолодить лет на пятнадцать?

На этот раз в тетку вглядывались дольше. Помогло еще то, что блудная мать встала и под ручку с тетей Парашей направилась в дом! Это ж надо!

Тетя Параша к себе кого-то пригласила!

Луна на землю упала, не иначе. Или Параша выгоду почуяла. Варвара всмотрелась пристально.

— Погоди-ка... Машка, что ли?

— Угадали.

Тетя Варя уселась на табурет и выдала такое, из солдатского лексикона, что чуть герань на окне не повяла. Потом накапала себе корвалола, выпила, подумала, накапала валерьянки и заполировала.

— Нет, не помогает. Точно, что ли?

— Документы вроде те самые. Паспорт, ИНН, СНИЛС, у меня ведь мамочка — Мария Домашкина, а папаша — Герман Вагин?

— Майя все время ругалась, что с такой фамилией размножаться не стоит. И с такими мозгами тоже, — машинально ответила Варвара Васильевна, а потом до нее дошло. — Ох!.. И что эта... хотела?

— Дочерней любви, — усмехнулась Матильда. — Была уверена, что я сейчас тут устрою сценку из сериала. Мама, я так тебя ждала! Дай прижаться к твоей груди... к левой или правой, на выбор!

— Ох... ть! Серьезно?

— Вполне.

Тетя Варя только головой покачала.

— Бывают же твари! А что она с Парашей-то?..

— Узнала от нее, что бабушка умерла. И приехала меня поддержать. Пришлось доходчиво объяснить, что я стою на своих ногах и без подпорок.

Тетя Варя мгновенно стала серьезной.

— Как же! То к тебе эта тварь вяжется, теперь ма-

мочку вызвали... где ж она раньше была? Когда ты тут убивалась на трех работах?

Денег, кстати, тетя Варя Матильде не предлагала. Понимала, что обидит девушку до глубины души. Но с бабушкой сидела и заходила, приглядывала среди дня...

— Говорит, у себя.

— Это — где?

— Чуть не за Уралом. Папашу нашла, брата с сестрой мне родила...

— Та-ак... а вернуться не судьба была? — Тетя Варя мгновенно уловила главное. — Если муж сбежал, а потом не смог... сидел, что ли?

Матильда развела руками.

Опять-таки вины за собой она не чувствовала. Не ее это позор, она папашу лет пятнадцать не видела, даже больше. И смысл скрывать?

Знает тетя Параша — знает вся страна.

— Понятно... Точно, деньги занадобились.

— Подозреваю, что да. Но что я могу сделать?

— Да ничего. Жить спокойно, а если что — зови, помогу. Гошке сказать?

— Пока не знаю. Да и вмешаться ему сложно будет...

Игорь, старший теть-Варин сын, в свое время решил работать врачом и уехал поступать в соседнюю область. Там был отличный мединститут, чуть не с вековой историей. Там же он прошел ординатуру, там же женился, и теперь до двух внуков тетя Варя добиралась раз в две недели, на рейсовом поезде.

— Не скажи. Знакомства у него есть, едут-то и отсюда. А нет — по людям поспрашиваем...

Матильда благодарно кивнула.

— Пока не надо, спасибо. А если что — буду иметь в виду.

— Вот-вот. Учти, если что... И давай-ка чайку попьем. У меня варенье есть, малиновое...

Матильда отказываться не стала. Вкусно же...

Мария-Элена Домбрийская

В карету Малена садилась с тяжелым сердцем.

Как-то там подруга?

Сон свалил Матильду около десяти вечера. Хорошо хоть сновидений никаких не было. Сны, красивые или кошмарные, оказались платой девушек за дружбу, и сегодня они жертвовали ими с особенной радостью.

— Что же с ней делать?

— Ждать. И только ждать.

Матильда поежилась.

Ждать она не умела. Вообще. Бабушка что сама умела, тому и научила, а умела она бороться и идти вперед. Не отступать и не сдаваться. О том, что женщина должна быть мягкой и нежной, уметь выжидать и приспособливаться, Моте не говорили. Наоборот, постаравшись защитить свою дочь от невзгод мира, бабушка Майя сделала все, чтобы не повторить эту ошибку с внучкой.

Матильда давно бы уже не выдержала. Устроила бы скандал, ругалась, пыталась все прояснить...

Мария-Элена по определению не могла так поступить. Не могла скандалить, ругаться, кричать и биться в истерике. Даже от вида Рисойских она просто цепенела. Замирала, замыкалась в себе...

Аристократия?

Да, наверное...

И сейчас это было к лучшему. Малена успешно сдерживала подругу, успокаивая и подбадривая.

— Я бы ей голову оторвала! — честно призналась подруге Матильда.

— Это — твоя мать.

— Это — матка на ножках. Она меня только выносила... матерью мне стала бабушка Майя.

— Все равно. Убьешь — будешь отвечать. Тебе это нужно — сейчас?

— Нет... Может, Антону рассказать?

Малена заколебалась.

— Не знаю. А что он сможет сделать?

— Ну... как с Ниной...

Зрелище Марии Домашкиной, вставленной головой в мусорный бак, на минуту согрело души девушек. Но, поразмыслив, они отказались от этого плана.

Малене не хотелось продемонстрировать Антону эту сторону своей жизни. Для всех это — ее мать. И оценивать ее будут не только по собственным качествам, но и по Марии Домашкиной. Кто там будет разбираться, как дело было?

Бросила не бросила... мать у тебя ужасная, вот и ты сама недалеко от нее ушла. Тот же социальный слой. Как ни доказывай, что ты не такая, но если у тебя сестра-шлюха, то и тебя будут честить продажной девкой, если отец — алкоголик, будут ждать, что ты протянешь руку к бутылке, если...

Предубежденность?

А кто сказал, что, изобретя сотовые телефоны, люди стали свободны от своих предрассудков? Одно с другим никак не связано, и даже в век космических полетов человек останется человеком. Не в лучшем смысле этого слова.

Матильда не хотела быть должна. Если у них с Антоном что и будет, то не по чувству благодарности, а по собственному выбору. Лучше уж с участковым поговорить, они с тетей Варей давние знакомые...

Ждать и отбиваться. Отбиваться и ждать.

Но как же это тяжело! Особенно когда тебе всего восемнадцать лет.

Состояние госпожи заметила даже Ровена.

— Ваша светлость, все ли в порядке?

Малена покачала головой.

— Нет.

И... не удержалась.

— Ровена, скажи, хорошая мать может бросить своего ребенка? Погнаться за мужиком, наплевав на малышку...

— Нет...

Ровена говорила таким тоном, что даже Матильда отвлеклась от своих переживаний. И пристально взгляделась в лицо наемницы.

— Нет, ваша светлость. Это не мать, а мразь.

— Вот и я так же думаю.

— А почему вы спросили?

И что-то такое в голосе Ровены было... у нее то же самое случилось? Малена ненароком угадала?

— Одну мою знакомую мать бросила, когда той было около двух лет, — честно призналась Малена, понимая, что если сейчас соврет, дружбы с Ровеной ей не видать. Никогда. А отношения «начальник — подчиненный» — не совсем то, что требуется в условиях королевского двора.

— И что? — напряглась Ровена.

— Ее воспитывала бабушка. Как могла.

Наемница ощутимо расслабилась.

— Мать появилась недавно и потребовала любви. И, наверное, содержания...

— Гнать ее в шею, — резко высказалась Ровена. — Мало ли, кто кого рожал, кошки каждый год по нескольку раз котятся. И то котят не бросают. А эта... Такие женщины — не матери.

— У нее вроде как еще двое детей...

— Младше вашей знакомой?

— Да.

— Замечательно! — голос Ровены сочился ядом. — Вот и нянька для ее последующих деток!

«Мы примерно так и подумали», — Матильда была согласна.

— И нянька, и наследство там осталось...

— Бедная девочка, — голос Ровены был полон сочувствия. Искреннего. — Она в столице?

— Нет. Но будет.

— Если от меня нужна будет помощь, обращайтесь, ваша светлость. В такой ситуации девочке придется тяжело.

— Я скажу, когда понадобится. Спасибо.

— Не за что.

— Поверь, человеческое участие стоит дороже любого золота...

Разговор постепенно сошел на нет. Девушки подремывали под монотонное покачивание кареты. Молчала даже Матильда. Она устала от переживаний и сейчас смотрела в окно на зеленые поля, деревья, крестьян... Расслаблялась, исцеляя душу.

Как хорошо, что есть на свете зеркала.

Кто бы ни создал их зеркальную пару, чем бы ни пришлось платить — Матильда уже была согласна. И заранее благодарна.

* * *

Граф Ардонский всерьез оказался настроен на союз с Домбрийскими.

На выбранном им постоялом дворе все было обустроено даже для Ровены. Маленькая смежная комнатка, но с хорошей кроватью. И это говорило о многом.

Хочешь мне понравиться? Гладь мою собачку...

Ровена, конечно, была крупнее собачки, но суть от этого не менялась. Граф хотел дружбы, и Малена решила пойти ему навстречу. Может быть, не в плане брака, но хорошие отношения — в наше время очень немало.

В любое время.

Матильда Домашкина

Проблемы начались с утра. А именно — с тети Параша, которая поймала Матильду во дворе дома.

— Мотенька!

— Матильда Германовна. — Мария-Элена мгновенно перехватила управление, благословляя тот момент, когда они решили пораньше пойти в офис.

Дома из рук все валилось, начиная с ванной.

Сначала выпал из рук и разлился гель для душа, а смыть его с пола — задача для сильных духом. Потом Матильда заехала себе тушью в глаз, а под конец еще и чашка разбилась. Девушка плюнула и удрала на работу пораньше, пока квартира цела.

Завтракать?

Чай на работе попить можно, а есть все равно не хотелось. Матильда и Мария-Элена были полностью

солидарны в этом вопросе. Стоило им понервничать — и девушки не могли съесть ни кусочка. Спазмом сводило желудок, до рвоты, до желчи...

Съесть что-то?

Один раз Матильду вырвало на выпускных экзаменах.

Пятерку она получила, но экзаменатор сильно обиделся. А не надо было загораживать дверь и говорить, что не допустишь симуляции на экзаменах. Нечего тут списывать...

Экзамен пришлось перенести в другую аудиторию, а экзаменатора — отправить в туалет. Чиститься.

Так что накормить кошку — и на работу. У Беси-то переживаний нет. Никаких! Ее надо кормить, как и всякое порядочное животное, — почаще и побольше, пожалуйста.

Далеко удрать Матильда не успела, перехватили ее на выходе из двора. И сейчас тетя Параша стояла, раскорячившись так, чтобы ее было вдруг не обойти.

— Ишь ты... не доросла до Германовны-то!

— Вы меня остановили, чтобы это сказать?

Ага, как же...

— Что ж ты делаешь-то! Мать гонишь...

Малена вскинула брови.

— Любезнейшая, по какому праву вы лезете в чужие семейные дела?

— Я ж тебя еще вот такусенькой помню!

— Хоть эмбрионом, — отрезала герцогесса. — Что вам угодно?

— Не по-христиански это...

— В своей семье мы разберемся без помощников. У вас есть еще вопросы?

Тетя Паша начала нервничать.

«Нетипичные реакции, — хихикнула Матильда. — Она ж меня и правда знает. Я бы ее давно послала, а тут такие цирлих-манирлих...»

«Плевать», — отрезала набравшаяся от подружки хороших слов герцогесса.

— Что ж ты мать-то выгнала вчера?

— Я не обязана вам отчетом в своих поступках.

— А я вот сегодня к участковому пойду! Не по-человечески это, чтобы дочь родную-то мать из дома гнала...

— Сделайте одолжение.

— Ишь ты, бескультурница...

— Ваше мнение для меня чрезвычайно ценно, — отрезала Малена.

И уступила управление Матильде.

Девушка ловким движением обогнула толстую тушу.

— Салют!

И помчалась по улице, что тот спринтер.

Тетя Параша посмотрела ей вслед со злобой, проворговала какие-то ругательства, но этим все и закончилось.

Или началось?

* * *

В офисе Матильду ждал очередной презент от господина Асатиани.

Фиалки и плюшевый кот. Рыжий, со зверской мордой, скорее всего — Гарфилд.

Малена вздохнула, подхватила все добро и отнесла в соседний кабинет. И наткнулась там на Евгению.

— Привет!

— Привет! Какая киса!

— Нужен? Бери!

Положа руку на сердце, от серого, в цвет Беськи, котенка, было бы куда сложнее отказаться. Видимо, котовладельцы чем-то от своих зверей все же заражаются...

— А давай. Не все ж Нинке...

Малена спокойно вручила Жене презент.

— Держи.

— Тебе он совсем не нужен?

— Абсолютно.

— И не нравится он тебе никак?

— Вообще...

Малена не врала, и Женя это видела. Голос был равнодушным, глаза спокойными, руки не перебирали платье...

Ей правда был безразличен Давид.

— Он красивый...

— С удовольствием отдала бы тебе это сокровище.

— Не пойдет... Он с Леркой-то вчера не пошел.

Малена ухмыльнулась. Неожиданно этот факт был приятен. Хотя...

— Конечно. Там, где охотятся — не гадят, а терпеливо ждут в засаде.

Теперь уже фыркнула Женя.

— Так себе и представляю, как Давид метит нам стену!

— Здрав хвост, — подсказала Малена. — Рыжий, как у этого кота.

— Тогда уж черный. Но пушистый.

Девушки рассмеялись, и секретарша отправилась на свое рабочее место, заваривать чай. Шеф был уже на месте, судя по открытому кабинету... легок на помине! Выглянул на возню...

— Малена, зайди.

Малена послушалась. Антон развалился в кресле и смотрел на нее с интересом.

— Долго ты Додика мучить будешь?

«Они что, сговорились?!» — взорвалась Матильда.

Малена прищурилась.

— Простите?

— Он мне всю работу срывает, паразит. Лерка сегодня точно не выйдет, вчера она так нализалась в «Колбасе», что смотреть жуть брала...

«Интересно, а откуда Антон это знает? — Матильда не дремала. — Небось сам там был?»

Малена пожала плечами.

— Антон Владимирович, что я должна сделать?

Антон замялся. Как-то под этим взглядом не выговаривалось: «дать Додику во всех позах, чтобы отвязался».

— Эм-м-м... может быть, сходишь с ним куда-нибудь?

— Это официальное распоряжение?

— Это пожелание.

Малена развела руками.

— Простите. Господин Асатиани не в моем вкусе.

— А тебе его есть и не надо, здесь не Полинезия.

Малена выслушала с тем же вежливым интересом. Антон покачал головой.

— Что, совсем никак?

Малена покачала головой.

Никак. И вообще, что значит — легче дать, чем объяснить? У кого-то там засвербело? А она при чем? Где-то прописано, что она обязана ложиться с каждым самцом, которому захочется?

Щаз-з-з!

Право мужчины — захотеть. Но право женщины — отказать. Не нравится? Не мои проблемы.

— А если для здоровья?

— Предпочитаю физиотерапию.

— Ладно, — махнул рукой Антон, осознавая, что секретарша у него — единственная неподдающаяся чарам господина Асатиани (или его денег?). — Сделай мне кофе, а? Башка гудит...

Малена кивнула и пошла делать кофе.

* * *

Звонок настиг ее в обеденный перерыв.

— Мотя, проблемы.

Тетя Варя времени на приветствия и разговоры о погоде не тратила.

— Что случилось?

— Тут на площадке сейчас весь кагал, твоя мамаша, Параша с сыном, участковый...

— И чего им надо?

— Требуют вскрыть твою квартиру.

— ЧТО?! — вскипела Матильда.

Малена тут же перехватила контроль, не давая подруге сорваться в откровенную брань.

— Якобы она, твоя мать, была здесь прописана, сейчас что-то там наследует... Приехать можешь?

Малена прикусила губу. Подумала пару минут...

— Тетя Варя, вы не могли бы дать трубку участковому?

— Сейчас, детка...

Девушки вслушивались в шум, несущийся из телефонной трубки.

Шаги.

Щелчок замка.

Гвалт голосов, которые сложно различить, и один резкий, тети-Варин:

— Семен Семенович, подойдите к телефону, пожалуйста. Поговорите перед вскрытием замка с законной владелицей квартиры.

Шум скакнул сразу на сотню-другую децибел.

Плаксивый голос — мамашин. Визгливый и пронзительный — Парашин. Басок — это Петюня. Твари!

«Мы им не спустим, — успокоила подругу Малена. — Обещаю. Но выиграет лишь хладнокровный».

«И в кого ты такая умная?» — буркнула Матильда.

«В маму».

В трубке послышался голос участкового. Семен Семенович опекал их двор уж лет десять, и Малену знал. А уж ее бабушку-то...

— Добрый день, Матильда.

— Добрый.

— Что ж ты мать-то домой не пускаешь?

Матильда ошетибилась.

Малена сообразила, что в голосе мужчины звучат иронические нотки, и чуть успокоилась.

— А вы мне хотите дверь сломать?

— Я что — на дурака похож?

— Нет...

— Мотя, сломать тебе дверь можно. Но! Твоя мать не прописана в этой квартире. Она только наследница...

— Нет.

— Почему?

— На квартиру бабушка оформила договор аренды. На все остальное имущество написала на меня дарственные. Вплоть до сковородок.

— То есть?

— Еще при жизни все подарила мне. У нее же Паркинсон нашли, когда мне было лет пятнадцать...

— Ну да. Я помню...

— Вот тогда она и пошла по адвокатам. Когда мне исполнилось шестнадцать, она меня прямо в день рождения потащила к нотариусу, там была комиссия какая-то... Я плохо помню, но бабушку признали психически здоровой.

— Вот даже как...

— Да. Это все есть — и у меня какие-то бумаги, и у нотариуса должны быть копии... Наверное. Я точнее не знаю. Но бабушка все оформляла очень дотошно.

— Это хорошо... А квартира у вас приватизирована?

— Да. Вот как бабушка заболела, ей пришлось уволиться, она и занялась.

— То есть твоя мать...

— Когда шла первая волна приватизации, меня еще на свете не было, а бабушка потеряла все доверие к правительству. Сказала, что она по их правилам играть не будет, и ничего не делала. Да и некогда было, выжить бы...

— Понятно. Юридически твоя мать — никто?

— Она моя мать. Биологически. И все. Если это она, конечно...

— Ты ее...

— Пятнадцать лет не видела, не слышала, и еще бы столько же не встречаться. Я и сейчас в шоке. Как можно было себя так довести?

Участковый только хмыкнул в ответ на наивное заявление.

— Да вот так. И не такое видывать приходилось.

Матильде не приходилось. А для Малены, напротив, это было логично. В ее мире женщины и помоложе могли хуже выглядеть.

Плохая пища, тяжелые условия, пара плюх в день от супруга...

— А мне сейчас что делать?

— Ну, дверь вскрывать никто не будет, сама понимаешь.

— А вы...

— Я? С чего бы? Ни у кого таких прав нет. Но ты вечером бери копии документов и подходи ко мне?

— Куда?

— На Новосельскую. Где мы сидим, представляешь?

— Нет.

— Новосельская, шестнадцать. Скажешь, что ко мне. Тебя во сколько ждать?

Малена прикинула.

— Не раньше семи.

— Вот на семь я эту компанию и приглашу. И... Матильда, я, конечно, знать не хочу ничего. Так что не отвечай. Но если у тебя все оригиналы документов дома, стоит их куда-нибудь перенести. Хотя бы и в банковскую ячейку. И ключ хранить у сердца.

— Спасибо, Семен Семенович, — искренне поблагодарила Матильда.

А ведь и правда...

Вот так придут, сломают дверь... доказывай потом.

А с бабушкиной смерти еще и полугода не прошло. Как же гадко!

* * *

Матильда была в таком душевном раздрае, что руководство на себя пришлось взять Малене. Герцогесса отлично справлялась, печатала, отправляла факсы, принимала посетителей, варила кофе, успокаивала подругу...

Вечером они с такой скоростью удрали с работы, что даже джип не заметили. Давид, который хотел было выйти и что-то сказать, не успел за ручку взяться. Малена пронеслась с такой скоростью, что спринтеры могли бы только завистливо вздохнуть.

Мужчина подумал несколько минут, а потом завел мотор и поехал в знакомый двор. Может, там представится случай поговорить?

* * *

Дома Матильда схватила сумку с документами.

Да, именно сумку, в которой лежало несколько толстых папок, подписанных именами. Ее и бабушкиным.

Случись пожар, все в одном месте, схватил на плечо да и выбежал. Это бабушка так устроила.

В эту же сумку отправились бабушкины золотые часы, два кольца, серьги с изумрудами и медальон. Все достаточно дорогое, золотое, тяжелое. Бабушка дешевку не уважала ни в каком виде и считала, что золото в семье должно быть на черный день. Придет край — продать можно.

Матильда была с ней согласна. Носить ей это не хотелось, но и оставить в доме?

Ну уж нет!

Сбербанк!

* * *

Давид искренне удивился, когда увидел Матильду не входящей в подъезд, а выходящей из него. В том же рабочем наряде, но со спортивной сумкой на плече. И — не удержался.

— Подвезти?

Матильда могла бы согласиться, но Малена не собиралась церемониться.

— Благодарю. Вынуждена отказаться.

Через дворы она до Сбербанка добежит за пять минут, на машине будут все двадцать. Да и ни к чему это...

Многие горести — от многих знаний. Позаботьтесь о ваших близких, пусть не горюют. А о дальних — тем более.

Давид и мяукнуть не успел, как Матильда исчезла во дворах. И что теперь? Догонять ее? Или...

Или — выглядело куда как привлекательнее.

Давид завел машину и решил проехаться по окрестностям. Может, и найдет кого порасспросить? С кем Матильда живет, дружит, может быть... встречается?

А ведь и такое возможно. И тогда объяснима странная холодность девушки...

* * *

Матильда тем временем оформляла на себя ячейку в Сбербанке.

Да уж, недешево стоят подобные услуги. Но и не настолько дорого. Так что сумка с документами заняла свое место в уютном симпатичном сейфе, а ключ Малена, поколебавшись, повесила на шею. На цепочку.

Нет, не с крестиком. Вот уж чего бы бабушка Майя, пламенная коммунистка, никогда не допустила, так это всяких крестов-образков. Но и у Матильды были свои реликвии.

На цепочке висел маленький, размером с вишенку, медальон. Гладкий, закрытый. Бабушка Майя все со-

биралась сходить к ювелиру да разобраться, как он открывается, но не собралась вот..

Он достался отцу Майи от его матери, а той от ее отца... одним словом — древность. А учитывая, что материал был — золото, да и цепочка старинная, хорошего исполнения...

Матильде бабушка его отдала, когда девушке шестнадцать исполнилось. Та и носила вместо крестика.

Может, правда сходить к ювелиру?

А, время терпит!

И Матильда помчалась через дворы к зданию УВД.

* * *

Как выглядят внутренности полицейского участка?

Вход. Потом турникет, который открывается изнутри, и аквариум с дежурным. К нему Матильда и обратилась:

— Я к Никанорову, он меня должен ждать

Дежурный, толстощекий молодой человек, который только что вороватым движением спрятал под стол огурец, одарил ее вполне себе коровьим взглядом. Спокойным и отстраненным, такому хоть небо на рога падай.

— Фамилия?

— Домашкина. Эм Гэ.

— Паспорт.

Получив просимое, дежурный что-то записал в толстенном журнале, потом снял трубку внутреннего телефона.

— Никаноров у себя?

Выслушал ответ, кивнул и махнул рукой Матильде.

— Двести двенадцатый кабинет.

— Спасибо.

Матильда прошла через турникет, металлоискатель и решетку — поочередно, и поскакала вверх по лестнице.

— Малечка, возьмешь контроль?

— Давай.

— Боюсь, не сдержусь.

— Сестренка, ты знаешь, я тебе помогу всегда.

— Тогда... лови!

Малена перехватила контроль над телом и тут же остановилась.

— Ты чего?

— Я — Домбрийская!

— Но я-то нет?

— Это не повод прибегать взмыленной лошадыю!

Где зеркало?

— Зануда. В сумке, в левом кармашке.

— Вот и отлично. Расческа...

— Оно же и расческа. Складное.

— Замечательно!

И ее светлость принялась приводить себя в порядок.

Вдох-выдох, чтобы кровь отхлынула от лица, а дыхание успокоилось, посмотреться в зеркало, убрать разводы от туши под глазами, здесь не цирк с очковыми медведями, волосы пригладить и заново стянуть в хвост...

Вот так.

И к двери кабинета подходит уже не взмыленная соплюшка, нет. В дверь кабинета властно постучала наследница рода Домбрийских.

Как это много значит! Осанка, поворот головы, выражение лица, движения тонких рук...

Не столь важно, во что ты одета, дворяне и в лох-

мотьях оставались дворянами. Но внутреннее достоинство, которое заставляет тебя расправлять плечи...

Я — Домбрийская.

И улыбка. Легкая, вежливая, чуточку надменная...

Я оказываю вам любезность, придя сюда. И мы все об этом осведомлены. А потому — держитесь в рамках, господа!

Мария Домашкина сидела у стола Семена Семеновича и выглядела откровенно жалко и гадко.

Нищенская одежда, плаксивое выражение лица, какие-то бумаги, разбросанные на столе, толстые пальцы с коротко обрезанными ногтями, вцепившиеся в сумку и неприятно шевелящиеся, словно опарыши...

Матильда выглядела гораздо лучше. Но внешность ведь не главное, главное — карты? Карте место!

— Добрый день, Семен Семенович, Мария Ивановна.

— Мотенька! — возопила означенная Мария Ивановна.

— Попрошу без эмоций! — рявкнул Семен Семенович, догадываясь, что ничего толкового он не услышит. — Матильда Германовна, присаживайтесь.

— Благодарю.

Аристократы не разваливаются на стуле всем организмом. Они присаживаются с выпрямленной спиной, примерно на половину сиденья. Сумка занимает свое место на спинке стула, руки спокойно лежат на коленях, голова чуть склонена набок, на лице внимание и сосредоточенность.

— На вас тут заявление поступило.

Молчание. Только молчание.

— Мария Ивановна Домашкина жалуется, что вы ее не пускаете домой...

Малена молчала. Пусть выговорятся.

— На жилплощадь, которая после смерти ее матери должна принадлежать ей. И еще не поздно вступить в наследство. Вы можете что-то сказать по этому поводу?

— Разумеется, Семен Семенович. На момент смерти у моей бабушки не было никакого имущества, соответственно, ее дочь ничего не наследует. Более того, я не понимаю, что нужно этой женщине на *моей* жилплощади.

— Как — не было?! — возмущенно возопила Мария Ивановна. — Да у мамы всю жизнь была квартира, вот эта самая! И дача у нее была, и гараж...

Малена слушала с выражением вежливого интереса. Потом протянула руку за сумкой.

— Прошу приобщить к делу.

И выложила на стол документы.

— Дарственные. На все вышеперечисленное. Договор аренды. Это копии, но заверенные.

Семен Семенович пробежал глазами документы.

Мария Ивановна глотала воздух, как будто он внезапно закончился в кабинете. Или — не внезапно?

«Не дай бог, я в нее пойду», — вздохнула Матильда.

«Ты — уже не пойдешь, — утешила подругу Малена. — Молись за детей».

Матильда представила, что ее ребенок станет вот таким... и девушку реально затрясло.

«Ни за что! Сама пришибу! И будет это ударом милосердия!»

Малена ответить не успела. Читал Семен Семенович быстро.

— Ну, что я могу сказать? Мария Ивановна, судя по документам, претендовать вы ни на что не можете. Ваша мать, Майя Алексеевна Домашкина, подарил-

ла все своей внучке. Можно, конечно, подавать в суд, дело ваше...

— Как — подарила?!

Толстые пальцы выхватили бумаги, тетка — девушка органически не могла воспринимать ее матерью — вчиталась, нещадно мусоля указательный палец...

«Обязательно оставлю это здесь, — поморщилась Малена. — Коробит».

«Да уж. Хорошо, копии есть, а то я бы оригиналы хлоркой протирала, — поддакнула Матильда. — Ишь ты, гадина, приперлась она из своего Помойкина! За наследством и любовью! А не дождется!»

До Марии доходило минут на пять дольше, чем до участкового, но все же...

— Н-но... как же так? Мама не могла так поступить! Она была не в себе...

— Там есть и заключение врачей. — Малена не собиралась никого щадить. — Бабушка была абсолютно нормальна.

— Это ты ее настроила! Ты!!!

— Против дочери, которую она пятнадцать лет не видела?

— Я маму любила!!!

Малена посмотрела на участкового. С ее точки зрения, дискуссии здесь были неуместны.

— Семен Семенович, я вам еще нужна? У вас есть еще какие-то невыясненные вопросы?

Участковый покачал головой и ухмыльнулся. Весело и ехидно, так, чтобы Мария не заметила. Та и не заметила, сидела, вертела бумаги и обтекала, иначе не скажешь.

Стремление за наживой ей обкромсали по самые уши.

— Нет, Матильда Германовна. Вы можете идти. До свидания.

— До свидания.

Подняться, попрощаться со всеми присутствующими вежливым наклоном головы и выйти, пока не разразилось.

И уже из-за двери.

— Ах ты...

И голос участкового.

— Мария Ивановна, послушайте меня. Все права у Матильды Германовны...

Дальше Малена подслушивать не стала. И медленно пошла вниз по лестнице.

— Какая ж бабуля молодец!

— Она тебя защитила, — грустно вздохнула Малена. Без зависти, близким не завидуют, но с тоской. И Матильда поспешила ее утешить:

— А тебя защитил отец. Насколько смог.

— Женившись на этой сукке!

— Судя по завещанию, он потом пожалел. Иначе назначил бы ее твоей опекуной.

Малену аж передернуло от такой мысли. Но...

— Он меня отправил в монастырь.

— А думаешь, Лорена бы тебя пощадила? Или отравила, или еще чего...

— Вполне вероятно. Интересно, что она сейчас делает?

— Судя по времени — спит.

— А что будет делать, когда проснется? — Малена решила отвлекать подругу и дальше.

— Если не дура...

— А мы в этом уже убедились...

— То поедет в столицу.

— И мы с ней там столкнемся, — мрачно заключила Малена.

— Учтем и будем осторожнее, — припечатала Матильда. — Интересно, это все?

Ага, как же!

На улице, облокотившись на стену здания и покуривая на редкость вонючую сигаретку, ждал Петюня.

* * *

При виде Матильды сей достойный представитель рода ишачьих чрезвычайно оживился. Выкинул щелчком сигаретку, сплюнул под ноги и раскинул в стороны руки.

— Мотя! Радость моя!

Малена выпрямилась.

— Ага... Петюня, зайчик, солнышко, рыбка...

Лицо парня все сильнее расплывалось в широкой улыбке, но Малена не собиралась давать ему спуску.

— Ты всерьез считаешь, что после такой подставы я к вам ближе чем на километр подойду?

Лицо парня выразило недоумение.

— Какой подставы?

И ведь не врал, просто был слишком туп для тонкой иронии Матильды.

— Объясни матери, что я разобралась, кто навел на меня эту... р-родительницу. Я очень благодарна ей и при случае выражу свою благодарность в доступной форме. Я внятно выразилась?

— Эм-м-м...

— Ничего, передай, как запомнил.

Выглядела Малена настолько разъяренной, что дошло даже до дурачка Петюни. Он поежился, не рискуя задержать девушку, и проводил ее взглядом.

— А чего мы сделали-то такого? А?

Вопрос остался без ответа.

Кипя, словно чайник, Малена удалялась в сторону дома.

— Может, нам спортом заняться?

— Чем?

— Ну, боксом, к примеру?

— Это как?

Матильда спроецировала подруге картинку: она, в боксерских трусах и майке-алкоголичке, яростно лупит по груше, на которую прилеплена фотография Петюни.

Малена поежилась.

— Думаешь, стоит?

Матильда подумала минуту и заменила картинку в боксерских перчатках на картинку с бейсбольной битой. Потом поменяла ее на саперную лопатку, а то непатриотично.

— Как-то мне эта перспектива не нравится. А какие еще варианты?

Мотя задумалась о карате, дзюдо, стрельбе, причем из пистолета, арбалета и лука — поочередно, потом о метании ядра в цель...

До плавания дошло далеко не сразу. Но идея утопить всю честную компанию Малене понравилась:

— Всегда мечтала научиться плавать.

— Так за чем же дело стало?

— А... можно?

— Конечно! Куплю купальник — и в бассейн!

— Купальник?

В ответ на картинку с мини-бикини Малена зажмурилась и затрясла головой, едва не встретившись со столбом.

— Нет! Не надо! Молчи! Не хочу это видеть... А у вас правда такое носить можно?

— Да.

— На людях?

— Я тебе сегодня покажу «Спасателей Малибу». Тогда поймешь, что можно, а что нельзя.

Фильм Малене понравился. Но на бикини она все равно не согласилась. Только закрытый купальник. Не стоит слишком рьяно демонстрировать себя, это непристойно!

Матильда спорить не стала. Как ни странно, вкус у герцогессы был лучше, чем у нее. И чувство стиля тоже. А раз так... Прислушаемся.

И то сказать...

Что такого принципиально нового может продемонстрировать женщина? Чего там мужчины не видели, если брать общую анатомию? Все видели. А раз так, возможно, имеет смысл не открываться, а закрываться. Пусть гадают, вдруг там есть что-то новенькое?

С этой мыслью Матильда и отправилась спать. То есть наблюдать за подругой и лишний раз благословлять зеркала за то, что они есть.

Что бы она сейчас делала без Малены?

Бог ли, дьявол, и чем там придется платить...

Иногда любая цена кажется невысокой.

Глава 2

Рид, маркиз Торнейский

— Привет, братик.

Остеон улыбнулся младшему брату, который без стука вошел в кабинет, отстранив секретаря.

— Ваше вели...

— Рид!

— Извини, привычка.

— Тогда привычно налей себе вина.

— А тебе?

— А мне такие радости не грозят, — вздохнул Остеон.

— Ост?

— Желудок болит. Сильно.

— Может, травы какой заварить? У нас на границе травницы есть, хорошие...

Остеон махнул рукой.

— Джель успокоился?

— Куда там! Ходит, фырчит, что тот еж.

Его величество усмехнулся.

— Ладно, успокоится. Никуда не денется.

— Что тут у тебя интересного и когда я смогу вернуться на границу?

— Письма, как обычно. От Риния, от Самдия...

— И?

— Шарлиз Ролейнская прибывает первой. Через месяц, плюс-минус дней пять, примерно так.

— А Джель?

— Дилера Эларская будет через два-три месяца. Даже чуть позднее. Она пока еще не выехала, что-то там с приданым... сам понимаешь, Элар.

Рид понимал. Эларцы очень трепетно относились к договорам и к своему карману. Если они что-то обещали, то можно было не волноваться — все будет исполнено. Но педанты...

Сейчас это было только на руку Аллодии.

— Как раз и скандал утихнет, и Джель успокоится.

— Риний в курсе, сам понимаешь. Намекает в письме, что если подобное повторится...

— Джель извлек урок из случившегося. — Рид не был до конца уверен, но племянника прикрыть постарался.

— Будем надеяться на лучшее, — вздохнул Остеон. — Вот ведь... ему править, а он штаны не может удержать завязанными!

— Были и мы молодыми, — театрально вздохнул Рид.

— И? — заинтересовался Остеон.

— Ну... бывало всякое. — Рид расплылся в улыбке, вспоминая дочку мельника. И папашу, который гонялся за ним с вилами и ткнул бы точно, плевать, что маркиз... И кухарку, с которой они тесно общались под столом, благо вышитая скатерть позволила относительно уединиться...

Остеон покачал головой.

— Коты мартовские. Женить вас надо!

— Хорошо хоть не кастрировать.

Остеон посмотрел так, что Рид поднял вверх руки.

— Понял-понял! Молчу, я вообще благочестив, как сам Брат.

— Побогохульничай мне еще...

Рид мило улыбнулся и развел руками.

— Если что — я каяться буду. Авось грех и отпустят, ибо больше радости Брату с Сестрой об одном грешнике раскаявшемся, чем о сотне праведников, кои впали в грех гордыни.

Учитель богословия при королевском дворе свой хлеб даром не кушал.

— Есть в чем каяться? — Остеон доверял брату, но ведь и сыну доверял тоже! Джели себе позволил выходку, вдруг и Рид что-то отмочит?

Рид задумался.

— Лофрейнские нам могут доставить неприятности?

— Нет. Ты кого из них огулял?

— Диану.

— А, эта... пусть ее.

По долгу короля Остеон знал о всех придворных куртизанках. Не огуливал, конечно, брезговал, но знал, кто и чем дышит. Мало ли кого использовать придется? Диана, конечно, в их стройные ряды пока не влилась, но стремилась. И упорно работала над собой и окружающими мужчинами.

Что ж, тоже дело нужное...

Рид кивнул. И даже улыбнулся, вспомнив сегодняшнее пробуждение — на смятых простынях, с красавицей под боком. Вот еще бы говорила она поменьше, а то ведь рот только одним способом ей заткнуть можно... ладно, двумя. Балаболка!

— Проблем не будет?

— Не ты первый, не ты последний. Муж все знает, просто ему так удобнее. Дуэли или наемников можешь не опасаться, к-котяра.

Рид показно невинно улыбнулся.

— Я хороший...

— И чего тебе нужно, хороший?

— Почему сразу — нужно?

— Так я и поверю, что ты пришел помочь мне в бумагах копаться, — огрызнулся Остеон. Брата он отлично знал и понимал, что того осенила какая-то идея.

Авось не слишком опасная.

— Ну... — Рид выглядел не особенно виноватым. — Ост, я тут с ума схожу.

— И?

— Можно я поеду, встречу Шарлиз?

— Хм-м...

— Возьму с собой приличный эскорт...

— Человек сто гвардейцев.

— Дядюшку Стива, который нас с Джемем меч учил держать, он тоже загрустил...

Остеон недолго подумал, а потом согласно кивнул.

— Давай. Ты как поедешь?

— До Арвеста, а потом к Инкору. Вдоль Интары, через Равель.

— Езжай.

Остеон и не подумал сопротивляться брату или запрещать.

Рид — не придворный. Ему удобно в седле, в походе, в битве... и пока жив брат-король, у него есть такая возможность. Пусть развлекается. Это одна из причин.

Вторая — выказать уважение к соседям, в преддверии намечающегося союза это не лишнее.

Третья же...

Его величество искренне желал брату только добра и счастья. При дворе Шарлиз наденет маску, подготовится и предстанет во всем блеске. А вот так, неожиданно...

Пусть брат посмотрит, кого берет в жены. Если у них не срастется, для Ролейнской найдется другой муж. Конечно, долг для Рида превыше всего, но быть на всю жизнь привязанным к смазливой стерве или круглой дуре, к примеру?

Нет, такого Остеон брату не желал.

Так что на следующее утро дворец покинули сто гвардейцев под командованием брата короля. Они собирались проехаться по Аллодии и встретить Шарлиз Ролейнскую на границе, у крепости Инкор.

Мария-Элена Домбрийская

— Ваше сиятельство.

— Ваша светлость...

Граф Ардонский и герцогесса переглянулись и обменялись улыбками.

— Дядюшка Астон, вы отправили письмо в столицу?

— Да, Малена. На всякий случай — несколькими людям.

— Они надежны? Поймите меня правильно, дядюшка Астон, я верю в ваши таланты, но я всего лишь девушка. И я волнуюсь...

Астон улыбнулся.

— Мария-Элена, доведись мне пережить столько же, сколько вам, я бы, наверное, с ума сошел. А вы держитесь великолепно. Что касается моих людей... Я не стану вам пока называть имен, но расскажу о них.

— Замечательно!

— Один из них возвращается в высшем свете. Есть такая порода людей, которые не могут жить без ба-лов, приемов, охоты...

— И при этом всё обо всех знают, и в какой-то момент такие люди — незаменимы?

— Именно. Второй — рангом пониже. Вы слышали о королевских дознавателях?

— Дядюшка Астон, ну что я могла слышать в своем монастыре?

— Примерно лет тридцать назад его величество Аррель учредил департамент дознания.

«Полиция?» — заинтересовалась Матильда.

— А чем они занимаются? — принялась уточнять у графа Малена.

— Есть вещи, которыми надо, увы, заниматься.

— Шпионы? Враги королевства?

— Эти проходят по ведомству департамента иностранных дел, — отмахнулся Астон Ардонский. — Но иногда... в жизни бывает всякое. Случаются убийства, тяжбы за наследство и прочее...

— И их расследованием занимается этот департамент?

— Да.

— Такие люди должны много знать...

— Один из этих людей мне обязан.

Малена не стала спрашивать — чем, она просто посмотрела восхищенным взглядом.

— Дядюшка Астон, я в вас не сомневалась. Если ваш сын такой же умный, как и вы... влюблюсь! Честное слово!

Астон отечески улыбнулся девушке. Он прекрасно все понимал, но даже дружеские отношения — уже неплохо. А там...

Если получится — он выдаст Марию-Элену замуж за Динона. Нет? Всегда можно заключить договор на внуков... да и хорошие отношения с соседями, и прямая выгода...

— Поживем — увидим, не так ли?

— Дядюшка Астон, скажите, а среди ваших знакомых в столице никого нет из простонародья?

Эту идею подсказала Малене Матильда. И она имела определенный успех.

— А зачем?

— Если есть кто-то, кто может устроиться на работу в дом Домбрийских...

Граф удивился совершенно искренне.

— Это можно устроить. Но зачем?

— Дядюшка Астон, ведь моя мачеха... я буду очень удивлена, если Рисойские сейчас не мчатся в столицу. И им потребуется полный штат прислуги. А это те люди, которых не замечают. Они все видят, слышат, могут рассказать, но слугам почему-то совершенно не уделяется внимания. А если у нас будет кто-то свой в доме...

— Нам смогут рассказать, кто друг, а кто враг, кто будет шпионить в пользу вашей мачехи, кто ворует, — сообразил благородный граф, совершенно по-простонародному потеряв руки. — Малена, будь я лет на двадцать помоложе — я бы плюнул на все и украл вас! Даже из храма!

Астон прикинул все блага, которые ему сулит эта идея, и исполнился... ну, не восхищения, но одобрения — точно. Его бы дочери подумали о слугах?

Да нет! И Астела, и Даранель искренне считают, что слуга — это такая одушевленная вещь. С которой что хочешь, то и делай. А ведь они действительно — рядом. Все видят, слышат...

— Мария-Элена, я напишу в столицу, своим знакомым. И у нас будет как минимум двое-трое своих людей в вашем доме.

— Причем о ком-то не буду знать даже я? — чуть-чуть пококетничала Мария-Элена. — Дядюшка Астон, будь я лет на десять-пятнадцать постарше, я бы ни перед чем не остановилась. И бросилась бы вам на шею...

Граф весело рассмеялся и поцеловал руку девушки.

— Малена, вы чудо.

Ответом ему была сияющая улыбка.

— Ну, своего он не упустит, — заметила Матильда.

— И доверяться ему глупо.

— Но больше пока некому. Вот ведь беда...

Малена только вздохнула в ответ.

Монастырь. И этим все сказано. Там были и девушки из знатных родов, но... о, это вечное «НО»!!!

Это — гадючник. Это вечное кто кого подсидит, кто подсмотрит, кто наябедничает, это место, которое выявляет худшие качества в воспитанницах. И особых подруг у Марии-Элены просто не было. Герцогесса же... Из благородных и с некоторыми привилегиями, а потому особенно ненавистная.

Поэтому обратиться было не к кому, оставалось лишь держать ушки на макушке. А больше всего угнетало, что Мария-Элена не знала ничего о Рисойских. Предполагать могла, а вот знать...

Рисойские были в том же положении, но у них было больше опыта, возможностей и... чего уж там! Желания призвать отбившуюся от рук падчерицу к ответу.

А вот получится ли у них это осуществить?

Малена не знала. Но Матильда неумоимо лазила по интернету в поисках рецептов.

Яды, противоядия, оружие... смешно?

Пусть! Хорошо смеется тот, кто смеется последним. И — без последствий.

А Матильда еще добавляла, что никогда! Никогда не знаешь, что тебе пригодится, когда пригодится и каким образом! Поэтому знания — наше все.

Интересно, ФСБ не заинтересуется таким активным пользователем?

Да вроде бы не должна, она ж не рецепт тротила ищет... а ведь и этим заняться стоит?

— Мотя, ты не перегибаешь палку?

— Знаешь, когда мы встретимся с Рисойскими, как бы не оказалось, что я ее еще и недогнула.

Малена не стала спорить. В чем-то она безоговорочно признавала главенство Матильды.

— Хорошо.

И девушки принялись за завтрак. А Рисойские?

Подождут!

Лорена Домбрийская

Матильда угадала. Или Малена?

Сейчас Лорена ехала верхом, искренне мечтая придушить падчерицу.

У нее болели ноги и спина, у нее растрепались волосы и испортилась кожа, у нее вся одежда пропахла мерзким конским потом, она чувствовала себя совершенно ужасно.

Но так было быстрее.

Силанта тоже хныкала, плакала и жаловалась, но Лорена была безжалостна.

Верхом, и только верхом.

Нет?

Приедешь потом. Верхом быстрее, чем в карете, а это имеет сейчас первоочередное значение. Лорене надо оказаться в столице быстрее падчерицы, и она

там окажется. Малена придет на ее территорию, и уж тут...

Мысль о том, что один раз это уже произошло и в выигрыше осталась вовсе не Лорена, женщина гнала от себя грязной тряпкой. Это случайность.

Это просто досадная случайность, а в этот раз она подготовится, и все пройдет иначе.

Мария-Элена тоже будет готовиться?

Эту мысль Лорена тоже гнала прочь. В отличие от Лорана, она не могла допустить мысли о том, что кто-то окажется умнее, сильнее и красивее, чем ОНА! Это же — ОНА!

Она поднялась с самого низа, от дочери разорившегося дворянина до супруги одного из знатнейших герцогов королевства, она всего добилась своим умом (и попрошу без идиотских шуточек о месте расположения ума) и трудом, и никакая тварь ей не помешает...

Лорена ненавидела Малену. Именно ненавидела со всей силой души.

Если бы Лорану удалось осуществить свой план, переспать с этой соплей и запереть ее в Донэре, Лорена не тратила бы на Марию-Элену столько чувства. Подумаешь, герцогесса! Лорена-то умнее и красивее! И уж точно удачливее!

Но Рисойским указали их место. Указали жестко и нагло, уложив Лорана в постель... со свиньей! Погубив их репутацию в глазах соседей и дав понять фактически, что их место в хлеву. Они не ровня Марии-Элене.

Герцогесса оказалась достойна своего титула, и этого Лорена ей простить не могла.

Ревность?

Зависть?

И это, и простая ненависть к той, которая не просто обладала какими-то благами по праву рождения, но и была их достойна. И Лорена не могла утешаться словами о слепоте судьбы. Раньше она мужественно боролась с обстоятельствами, сейчас же, на фоне Марии-Элены... она просто выгодно продавалась.

И ненавидела герцогессу за эту правду.

Не осознавала до конца своих чувств, не разбиралась в мотивах, но ненавидела. И сделала бы все, чтобы насолить Марии-Элене.

Еще и сделает, дайте только до столицы добраться!

Лорена знала, она не успокоится, пока не укажет мерзавке на ее место. Раз и навсегда.

Матильда Домашкина

— Я скоро из дома буду бояться выходить.

— Будем спускаться по веревочной лестнице с балкона?

— Ага... А может, отравить их всех к едрене фене?

— Маму? Родную?!

— Какая она мне мать!

Матильда и Малена красили глаза и привычно препирались.

С момента визита участкового прошла уже неделя. Даже побольше.

И... затишье.

Девушки не удивились бы скандалам под дверью, попыткам воззвать к совести, жалости или порядочности Матильды, попыткам вломиться силой...

Тишина пугала и настораживала.

Мысль о том, что любящая мамочка сдастся, обем и в голову не приходила. Чушь какая! Стремление людей к халяве неизбежно и безгранично. И отказываются они от попыток, только крепко получив по морде. А пока этого не было...

Так где же мамочка?

Срочно уехала к другим деткам?

А на какие, простите, деньги?

Матильда поглядела в интернете, до нужного поселка было добираться больше тридцати часов в одну сторону. Поезд, еще один поезд...

Примерно треть Матильдиной зарплаты за месяц. Дорогое удовольствие. Просто так не наездишься, но чего теперь ждать самой Матильде? Боевых действий? Что мамаша так просто не сдастся, она и не сомневалась. И Параша куда-то запропала... точно, пакость готовят, стервы.

Стерва — это куча падали?

Очень точное определение в отношении этих двоих... стерв! Хоть мамаша, хоть Параша.

Матильда нервничала, а Малена ее успокаивала.

— Вот подожди, доберусь я до столицы — и мы поменяем местами.

— Ты будешь нервничать, а я тебя успокаивать?

— Именно.

— Хорошо бы до этого времени разобраться с моей мамашей.

— Как прикажешь с ней разбираться, если она не показывается?

— Ждем-с...

Ожидание и выматывало хуже всякой войны. А уж когда к нему добавлялся господин Асатиани... черти б его побрали!

Вот и сейчас.

Опять цветы, опять игрушка, конфеты...

Малена скривила губы, но отправить все в комнату менеджеров не успела. Заявился Антон под ручку с давешней блондинкой.

— Марин, ты сядь, посиди пока, я кое-что сделаю, и поедем.

— Да, дорогой, — томно проворковала жертва косметики, опускаясь костлявым задиком на диван. Матильда посочувствовала мебели. Интересно, у блондинки на попе костяных гребней нет? А то ведь прорежет!

— Малена, сделай Маринке чай.

— Лучше кофе. Черный. С лимоном...

— С сахаром?

— Конечно нет! Я на диете!

«При таких костях? — ужаснулась Малена, уже осведомленная о забавах женщин нашего мира. — Да ей плюшки надо есть каждый день, по три раза в день!»

«Мало ли, может, она пособием готовится? В анатомический кабинет, скелетом работать?»

Малена перехватила управление у подруги и принялась заваривать кофе. Матильда тем временем комментировала прическу блондинки и полкило косметики, наложенных с утра.

Или не смытых с вечера?

Кто бы объяснил дурочкам, что вечерний макияж с утра — это не просто дурной тон, это еще и плохо смотрится при дневном освещении... тени в свете неоновых ламп углубляют глаза, но в дневном свете ты выглядишь как клоунесса.

«У нас вообще не красятся. Только продажные женщины».

«У нас примерно так же. Чем сильнее женщина красится, тем больше она хочет продаться».

«Я бы не купила».

«Думаю, Антон тоже ей не платит, — согласилась Матильда, окидывая блондинку нечитаемым взглядом и ставя перед ней кофе с лимоном. — За идею старается».

Мельком она заметила, что дверь в кабинет прикрыта неплотно, так что Антон может услышать их разговор. Есть у шефа такая привычка.

Ну и ладно, все равно она предельно вежлива со всеми его пассиями. То есть Малена. Пробить герцогессу на хамство было невозможно, хотя пытались многие.

Блондинка сощурилась.

— А вы тут секретарша...

— Да.

Малена поглядела на игрушку и цветы.

Сейчас отнести?

Придется подождать, не оставлять же эту блондинку одну в приемной?

Нет, никак не оставишь.

Блондинка проследила за взглядом девушки, и лицо ее стало гадко-ехидным.

— Я смотрю, Давид выиграл пари? Или пока еще примеряется?

— Пари? — удивилась Малена.

Улыбка у блондинки стала еще более пакостной.

— Между Давидом и Антоном.

Малена прищурилась в ответ, не показывая своих чувств.

— Я не в курсе условий... не посвятите?

— Кто быстрее затащит вас в постель, тот и выигрывает. Давид, да? Вы ему скажите, пусть хоть на колючку расщедрится...

Дверь кабинета распахнулась.

Антон воздвигался на пороге, злой, как три черта.

— Маринка!

Блондинка захлопала глазами.

— А что не так?

Малена молчала, но столько всего выражал ее взгляд...

Сейчас Матильда и Малена ругались между собой. И слава богу, что телом не управляла ни одна из них, оно так и застыло со скрещенными на груди руками и приподнятой в насмешливом удивлении бровью. Кто бы сказал, что Малена из последних сил удерживает взбесившуюся подругу? А Матильда была не просто в бешенстве, она готова была убивать.

— Суки!!! Твари, сволочи!!! Пари?! Обоих зарюю!!!

— Успеем. Пусть сначала объяснятся.

— Козлы!!! ... и ...!!!

— Она могла и соврать.

— Ты в это веришь????!!!

— Нет. Определенно не врет, просто укусить хотела побольнее.

— ВОТ!!!

Малена вздохнула.

— Матильда, милая, дай мне в этом разобраться. Ладно? Сестренка...

Матильда зашипела, но первый приступ ярости схлынул, миновал. Держаться стало легче. Сказывалось бабушки-Майино наследство, фамильная вспыльчивость. Но после первого приступа ярости становилось легче, Матильда уже могла размышлять здраво... только раньше у нее не было Малены.

Она бы треснула Антона по голове ксероксом, выдрала бы блондинке патлы и попала бы в милицию.

Она.

Малена же стояла, будто так и надо. И не при ней злой как черт Антон нависает над блондинкой с таким видом, словно сейчас ее сам препарирует.

— Ладно. Но если что — я им размножалки с корнем вырву!

— И я помогу.

— По рукам!

Диалог казался долгим, но в реальности занял меньше десяти секунд. Мысли же. Самое быстрое, что есть на Земле...

Антон едва успел отреагировать, стащив блондинку за руку с дивана, да так, что Марина плеснула на себя кофе и запищала.

— Ой! Кажется, я обожглась...

— Все. Вали отсюда.

— Тоша!

— Сказал, вали! — рявкнул Антон. И таким было у него лицо, что даже крашенная кукла что-то сообразила. К примеру, что сейчас вылетит в окно.

Чашка кофе полетела на пол, а блондинка попыталась повиснуть на любовнике.

— Тоша...

— ВОН!!! — взревел благородный герой так, что дрогнул светильник на потолке.

Малена выключила кофеварку и заняла свое место за столом. Блондинка вышла, виляя задом, а Антон сделал два шага по комнате.

— Малена...

Девушка молча смотрела на него.

— Я... мы не спорили с Давидом.

Малена с ним тоже не спорила. Пусть выговорится.

— Давид просто попросил меня оставить тебя в покое. Ты ему понравилась.

Молчание.

— У нас не было спора как такового, мы решили, что выбор предоставляется тебе.

— Это очень благородно с вашей стороны, Антон Владимирович.

Малена говорила тихо и глухо. Ей было больно, и Антон это понял.

— Маринка — дура! Пойми...

— Я все понимаю. Давайте закроем эту тему?

— Ты не сердишься?

— У вас есть какие-то вопросы по работе?

Малена всем видом показывала, что это — не тема для обсуждений. И Матильда восхищалась сестрой.

Ах, как легко было бы сейчас сорваться в базарную истерику. Как просто...

И как невозможно для герцогессы. Малена так же не могла устроить скандал, как не могла бы пройти голой по улице (леди Годиву в пример не приводим, там были обстоятельства), не могла бить посуду, кричать...

— А жаль. Так было бы легче.

— И мне жаль. Что в нашем мире больше этого нет...

— Может, есть? Только мы не сталкиваемся?

— Может быть...

Антон хлопнул дверью кабинета. Вопросов по работе у него не было.

Малена посмотрела на кофейную лужу на полу, на чашку... и пошла убирать. Здесь замка с прислугой нет, здесь надо ручками.

Хорошо хоть, чашка не разбилась.

Малена взяла ее и отнесла в санузел, вымыть.

Там ее и нашла Женя.

— Малечка... ты как?

Раньше Евгения ревновала шефа. Потом поняла, что Малене он не нужен (герцогесса своего интереса

никогда не показывала), и успокоилась. И даже хорошо относилась к девушке, особенно после появления Давида. Ясно же, друзья поделили поле боя, и Малена достанется Давиду, а на Антона никто не посягнет.

— Что? — спохватилась Малена. — А, да, все в порядке.

— Ты плачешь.

— Это от моего средства. Оно в глаз попало. Девушки так и не поняли, кто из них плакал.

Матильда?

Малена?

Горько, когда на месте рыцаря в сверкающих доспехах оказывается... его ишак. Или даже ишак его оруженосца. Горько и гадко.

Благородный человек никогда не позволит себе обсуждать женщину в таком ключе. Тем паче женщину, которая ему небезразлична. А если вот так, в мужской компании, как будто перебирают стати породистых кобыл... Малена никогда не позволила бы себе обсуждать любимого мужчину с другими. Никогда...

И уж точно не низвела бы свои чувства до... до такого.

Больно...

— Антон мне все рассказал.

— Да неужели?

— Маринка — тварь и гадина. Она и наврать могла.

— О чем?

— О пари.

— Могла. Но... не на пустом месте.

— В смысле? — не поняла Женья.

— Как ты думаешь, это порядочно — трепать мое имя перед каждой встречной?

Малена даже знала, когда это произошло. Когда она отказалась ехать с парнями, наверняка...

Гадко это. Словно мыла наелась... того самого, с мыловарни.

Больно и тошно было Малене, а Матильда разделяла ее эмоции. Сестра же страдает!

— Ну...

— Я не давала повода. И мне сейчас очень неприятно. Можешь так и передать Антону Владимировичу.

Женя вздохнула.

— Ладно... Ты справишься?

— Не дождетесь, — огрызнулась уже Матильда. — Из принципа переживу всех, особенно эту парочку ловеласов!

Женя фыркнула и вышла из санузла.

* * *

Антон больше ничего не говорил по этому поводу. С Давидом он, похоже, созвонился сам, потому что вечером перед конторой джипа не было.

— Отвязался? — не поверила в чудо Матильда.

— Благословением Сестры и Брата...

— Не было бы счастья, да несчастье помогло?

— Значит, это не несчастье, а предпосылка для счастья, — философски ответила привыкшая к софистике Малена.

— Аэссе.

— Аминь.

Его величество Остеон, Аланея

Король работал.

Упорно, серьезно, вдумчиво, он разбирал бумаги в присутствии канцлера. Что-то подписывал, что-то откладывал к рассмотрению, что-то кидал в корзину, когда...

— Ваше величество, беда!!!

Его величество проехался пером по столу и, конечно, сломал остро заточенный наконечник к шервулям¹. И дернулся не только король.

Канцлер, который как раз подкладывал королю документ на подпись, аж чернильницу опрокинул, укоризненно глядя на Бариста Тальфера, который влетел (с его-то тушей только бегать!) в королевский кабинет.

— Что случилось?

— Степняки перешли границу и движутся вглубь страны! Голубь прилетел...

Канцлер, Леонар Тарейнский, забыл обо всем на свете. Иначе никогда не протянул бы руку вперед короля.

— КАК?!

Барист сунул в протянутую руку скатанную в крохотную трубочку бумагу.

Его величество перехватил донесение в воздухе, проглядел...

И медленно, словно в дурном сне, начал оседать на ковер, под взглядами стряпчего и канцлера.

— Ваше величество!!!

Канцлер едва успел подхватить короля и осторожно уложить на ковер.

Каким чудом Барист успел прикрыть дверь, знал только он сам.

— Лекаря!!! — едва не в голос взвыл канцлер.

Вроде бы толстяк неуклюжий, малоподвижный, но Барист мигом оказался рядом с Леонаром, стиснул его руку.

¹ Шервиль — примерный аналог черта, местные жители представляют его в виде громадного зубастого червяка. После смерти шервили медленно, по кусочкам, жрут души грешников и выплевывают... да, именно оттуда. (Прим. авт.)